

МАТВЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ ПЕСКОВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
СУВОРОВ. ЕГО ЖИЗНЬ
И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**Матвей Леонтьевич Песковский
Александр Васильевич
Суворов. Его жизнь и
военная деятельность**
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175748

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I. Детство, юность и время до боевой службы. 1730 – 1758	12
Глава II. Начало боевой службы и командование полком. 1758 – 1768.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

М. Л. Песковский

Александр

Васильевич Суворов

Его жизнь и военная

деятельность

Биографический очерк

С портретом Суворова,

гравированным в

Петербурге К. Адтом

Введение

В ряду русских замечательных людей *Александр Васильевич Суворов* очень резко выделяется во всех отношениях. Особенно ярко и внушительно проявилось это в возвышении Суворова, заурядного русского дворянина, до княжеского достоинства и степени *фельдмаршала и генералиссимуса* присвоением ему притом звания “*принца*” и “*царских почестей*”. Такое возвышение произошло наперекор очень сложным неблагоприятным обстоятельствам, преследовавшим Суворова всю жизнь, – *взято с боя*.

Суворов – изумительно *цельный тип* “военного человека” вообще, и буквально *единственный* в мировой истории войн пример *солдата-фельдмаршала-генералиссимуса*. Все личные его качества, свойства, понятия, привычки и потребности – все было тщательно выработано им самим и применено именно к потребностям военного дела, которое – как увидим ниже – с детских лет уже играло первенствующую роль во всей его жизни, руководило им. Всецело увлеченный и поглощенный военным делом, он понимал его очень широко и возвышенно, ставя себе задачей и целью достижение того уровня, на котором стоят величайшие полководцы во всемирной истории. И в его лице мы видим изумительный пример упорства и успеха в преследовании и достижении указанной задачи и цели. Он, при обширном общем развитии

и богатом запасе знаний по всевозможным отраслям, обладал еще и энциклопедическими, можно сказать, военными познаниями по всем отраслям, не исключая даже дела морского, инженерного и прочего.

Вообще же Суворов стоял на такой высоте, что немногие не только из русских, но и из западноевропейских генералов того времени могли выдержать с ним сравнение. Это само собою доказывается всею совокупностью деятельности Суворова, его обширнейшею перепискою на всевозможных языках (до итальянского, финского и турецкого включительно) с разнообразными лицами высшего круга в России и за границею по вопросам капитальнейшей важности. Хотя Суворов не получил *дипломного* военного образования, но путем самообразования он не только достиг самого видного и почетного положения в военном отношении, но и занял даже совершенно *уединенное* место во всей истории военного дела. Самостоятельно изучая те же самые исторические образцы, по которым учились и другие, он, однако, под влиянием горячей любви и преданности делу, извлек из этого пользы значительно больше других. Привнесши в это дело большую долю своей *индивидуальности*, он создал *новое* “военное искусство”, которое так и прозвано “суворовским”. Сущность его состоит в таком обучении солдат, что они наперед получают определенное понятие о том, что может встретиться им на войне, а равно и о том, как им вести себя в каждом отдельном случае. Это – та именно “*наука побеждать*”, кото-

рая обучала солдат только тому, чтобы идти *вперед* и *вперед* (атака и штурм), и из которой, безусловно, было изгнано все, что касается движения назад (отступления).

Он превосходно знал солдатскую душу и *безусловно* владел и распоряжался ею. Вместе с тем он сам был *первым* и *совершеннейшим* солдатом как живой пример и образец для всего войска. Он был чрезвычайно щедро награжден всеми чисто военными качествами, как-то: настойчивым почином, упорною энергиею, мужеством и личной храбростью, так что невозможно назвать такого военного качества, которым не обладал бы Суворов. Таким образом, по мнению военных специалистов, Суворов в указанном отношении не имел даже образца, так как ни один из величайших полководцев не представлял собою такого “полного и цельного типа военного человека, как Суворов”. Но не это, однако, обстоятельство обособляет Суворова в военной истории как совершенно своеобразный “*самородок*”, а, главным образом, то, что во все время своей военной службы он вел чисто солдатскую жизнь. Он делал это прямодушно, искренне, без всякой задней мысли и цели, именно потому, что вообще не признавал надобности обставлять свою жизнь лучше лагерного образца и находил, что именно солдатская жизнь как нельзя лучше соответствует условиям и потребностям военного человека.

Являясь основателем новой военной школы, Суворов не только прославился на весь мир своею непобедимостью, но и оказал государству очень важные услуги, как в деле усми-

рения серьезных внутренних смут, так и в отношении расширения территориальных владений. В общем же, значение этих услуг Суворова было так велико, что благодаря именно им политическое значение России разом выросло в глазах Европы. Как только гениальный полководец заставил всю Европу обратить внимание на поразительные успехи русского оружия, в связи и соответствии с этим явственно возрос также и весь политический престиж России.

Что же касается до обаяния самой личности Суворова в Западной Европе, то, помимо необычайной повсеместной его популярности, в некоторых странах, особенно же в Англии и отчасти в Италии, дело прямо-таки доходило до *поклонения* ему.

Короче говоря, и сама по себе личность Суворова как гениальнейшего из полководцев и его славные подвиги, и военные доблести, имеющие историческое значение для всей Европы, и, наконец, продолжительный (более чем полувековой) период, в который произошло все это, заставляют оглянуться из столетней уже дали на то прошлое, весьма поучительное во всех отношениях.

К удивлению, на исходе целого столетия со дня смерти Суворова мы имеем всего один памятник ему (у Троицкого моста в Петербурге), да притом еще вовсе не соответствующий ни его гению, ни его своеобразной личности, ни его сорокалетней боевой деятельности. Памятник этот, заказанный еще при жизни Суворова, был сооружен в 1801 году по

мысли императора Павла, чтобы увековечить этим память о подвигах знаменитого генералиссимуса в Италии и Швейцарии. Художник довольно удачно воплотил в нем идею кампании 1799 года в смысле заступничества русского правительства за разрушенные троны Италии. Русский фельдмаршал-генералиссимус изображен римским воином, прикрывающим своим щитом и мечом пьемонтскую и сардинскую короны и папскую тиару. Но этот памятник, не воплощая в себе целиком фигуры этого колоссальнейшего русского героя, *“чудо-богатыря”*, равно ничего не дает для национального русского чувства, не заключая в себе и признака чего-нибудь народного, оставляя совершенно свободным место для такого увековечения памяти Суворова, чтобы в нем отразилась признательность отечества за сорокалетнюю защиту его от *“внутренних и внешних врагов”*. Вместе же с тем в этом увековечении памяти должна сказаться и благодарность России за ту славу, которою он покрыл русское оружие и русское имя.

Наконец, нужно еще иметь в виду, что заслуги Суворова перед отечеством отнюдь не исчерпываются только боевою его деятельностью: напротив, помимо этого даже и современная русская армия очень много обязана гениальному почину Суворова и его упорной самодеятельности гуманными приемами обучения и воспитания войск. К величайшему прискорбию, эта сторона дела очень долго оставалась в тени и чуть не в забвении после смерти Суворова. И только

в недавнее время под влиянием печатных трудов некоторых военных специалистов начинают по достоинству оценивать то наследие, которое оставил по себе Суворов всем последующим поколениям.

Лица, наиболее авторитетные в военном отношении, удостоверяют, что “личное присутствие Суворова, даже одно его имя производили на войска чарующее действие”. Они сравнивают это с “*талисманом*, который довольно развозить по войскам, чтобы победа была обеспечена”...

Таким, в общих чертах, встает перед нами образ Суворова через столетие со дня его смерти. Это в полном смысле славный и заслуженный *русский витязь, богатырь* всем богатырям – по величию духа, по высоте и шири гражданских стремлений и целей...

Глава I. Детство, юность и время до боевой службы. 1730 – 1758

Время и место рождения А. В. Суворова. – Жизнь в родительском доме. – Поступление на военную службу. – Самообразование. – Практическое изучение всего солдатского быта. – Производство в офицеры

Суворов происходит из дворянского рода средней руки по положению и по достатку. Родоначальником же Суворовых был швед Юда Сувор, поселившийся в московской области во время княжения там Семена Гордого. Родился Александр Васильевич в Москве, 30 ноября 1730 года. Он рано лишился матери. Несомненно, однако, что домашнее воспитание его, не менее как до 13 – 14 лет, протекло под непосредственным наблюдением матери, по-видимому, при полнейшем невмешательстве отца, Василия Ивановича, всецело поглощенного хозяйственными делами по своему имению, то есть деятельным и успешным расширением его.

По-видимому, он был недоволен сыном в пору его детства и смотрел на него как на *неудачника*. У мальчика еще в самом раннем возрасте, едва он стал овладевать простою грамотою, ясно проявилась большая склонность ко всему военному. Отец же, наоборот, решил, что сын его безусловно непригоден для военной службы, так как он был “ростом

мал, тощ, плохо сложен и некрасив”. Мальчик же, между тем, в возрасте около 11 лет обнаруживал все большее и большее пристрастие к военному делу, совершенно отстраняясь от дамского сообщества и всячески стараясь уединиться для чтения книг исключительно военного характера.

Обособленность мальчика, страсть к уединению, сосредоточенность не по летам и отдаленные прогулки резко бросались в глаза, а главное – вызывали со стороны отца выговоры, замечания, запрещения и прочее. Мальчик еще более уходил в себя, замыкался в своем внутреннем мире и всецело отдавался излюбленному им военному делу, приобретшему теперь для него особенную прелесть в качестве запрещенного плода.

В эту именно пору Василия Ивановича посетил старинный его приятель, генерал Ганнибал, из негров, питомец Петра Великого. Ввиду жалоб старика Суворова на сына он очень интересовался последним. Переговорив же потом с ним и познакомившись с его книгами, он убедился в серьезной его любви к военному делу. Разъяснив это отцу его, Ганнибал вместе с тем посоветовал ему не противодействовать стремлениям сына к военному поприщу, а, напротив, – всячески содействовать этому. Когда ему исполнилось 12 лет, он был записан, в 1742 году, в Семеновский полк рядовым; но поступил туда только через три года, когда ему исполнилось 15 лет.

В раннюю пору детства, еще до 11-летнего возраста, Су-

воров познакомился с некоторыми новыми языками. Этим, равно как и всем вообще первоначальным обучением, он обязан своей матери.

Путем чтения Суворов успел, до поступления в полк (до 15 лет), самостоятельно ознакомиться: с Плутархом, Корнелием, Непотом, с деятельностью Александра Македонского, Цезаря, Аннибала и других наиболее замечательных полководцев, походами Монтекукули, Карла XII, Тюрена, Конде, маршала Саксонского, принца Евгения и многих других. Хотя центром его самообразования была именно военная история, тем не менее он весьма деятельно работал также над пополнением своего общего образования. Историю и географию, например, он изучал по Гюбнеру и Роллену, философию – по Лейбницу и Вольфу.

Со времени первого пробуждения сознания в раннюю детскую пору и буквально до смертного одра Суворов беспрерывно был увлечен, всегда и при всех обстоятельствах, *неудержимым стремлением* вперед и вперед. Это стремление объясняется тем, что еще в пору раннего детства, под влиянием счастливого выбора чтения, перед умственным его взором вдруг загорелась заманчиво-яркая и привлекательная *светлая точка*, которая, все ширясь и разгораясь, разрослась, наконец, в определенную *задачу* и *цель* жизни, без которой он вовсе уже не мог жить. Примеры же тех великих людей, деяниями которых он воспитывался, наглядно показывали ему необходимость именно образования как само-

го могущественного фактора в жизни, открывающего пути к избранной цели и дающего все средства для достижения ее. Вследствие этого, строго говоря, вся его жизнь это – даже и *не жизнь* в общепринятом смысле, а какое-то умственное и нравственное *перегорание* под влиянием военной страсти в непрерывном стремлении к *военной славе*...

Вступив в полк, он сразу сделался *заправским* солдатом. Он с радостью, с увлечением занялся изучением всего того, что кажется другим в солдатской службе тяжелым, грубым, скучным и мелочным. Он с любовью исполнял все обязанности солдата, тяжелые и легкие, изыскивая способы и средства, чтобы как можно больше знакомиться даже и с такими сторонами солдатского житья-бытья, знание которых необязательно. Ему же нужно было все это во имя той великой цели, которая непрерывно светила перед ним где-то в бесконечной дали и неудержимо влекла его к себе. В его программу входило и самое тщательное изучение солдатской среды со всеми ее привычками, обычаями, понятиями, верованиями – до самых сокровенных тайн солдатского быта. Вместе с тем он очень вдумчиво изучал воинские уставы и постановления. Живя на вольной квартире, а не в казарме, он, однако, с педантичною точностью и усердием, без малейших упущений нес всю строевую службу, аккуратно бывал на строевых учениях и в караулах, вместе с нижними чинами исполнял все их служебные труды и черные работы.

Короче говоря, он был в полном смысле *образцовым* сол-

датом во всех отношениях, так что лучше даже самых крепких здоровяков переносил всевозможные лишения, усталость, голод, холод и прочее. Он явно отличался от других солдат молодцеватым, изящным видом и обращал на себя внимание. Так, например, императрица Елизавета Петровна заметила его, когда он стоял на часах у Монплезира, в Петергофе. Проходя мимо, императрица спросила, как его зовут. Услыхав, что он – сын Василия Ивановича, которого она знала, вынула рубль с намерением отдать его Суворову. Но тот отказался, сказав, что по уставу караульный не имеет права брать денег. Императрица похвалила его за “знание службы”, потрепала по щеке, дала ему поцеловать свою руку и положила рубль на землю, сказав: “как сменишься, так возьми”. Суворов всю жизнь хранил эту монету.

Разносторонне изучая военное дело, он вместе с тем усиленно работал для пополнения и расширения общего образования. Насколько известно, он посещал лекции кадетского корпуса. Но главным образовательным средством его были самостоятельные, домашние научные занятия, частью при помощи покупаемых книг, в большинстве же случаев – посредством книг, добываемых на стороне: в полку, в кадетском корпусе – словом, где только была хоть какая-нибудь к этому возможность.

Эта работа была так упорна, что во все время пребывания в полку Суворов решительно нигде не бывал кроме корпуса и службы, посвящая весь отдых самообразованию у себя

на дому. В результате такой самодеятельности оказалось, что ко времени наступления 20-летнего возраста он обладал уже таким прочным, обширным, разносторонним образованием, какого не могло дать ему ни одно из существовавших тогда учебных заведений, – никто, и ничто, кроме личной его доброй воли. Помимо общеобразовательных предметов основательно была изучена также и Библия, весь цикл церковных служб, весь церковный обиход.

Солдатскую лямку Суворов тянул чуть не десять лет (с 1745 года по 15 апреля 1754 года), когда он, наконец, был произведен в офицеры. Ему было тогда уже около 25 лет. Дворянские же дети в то время легко достигали к такому возрасту генеральских чинов. Несомненно, что и Суворов несравненно раньше мог бы быть произведен в офицеры, если бы желал этого, тем более, что с первых же дней своей солдатской службы он был на самом лучшем счету, и ему давались обыкновенно весьма серьезные и важные поручения. По личному его удостоверению он, “состоя в унтер-офицерских чинах, исправлял разные должности и трудные посылки”. Произведенный в 1751 году в сержанты, он был послан в 1752 году в Дрезден и Вену с депешами, где и пробыл более полугода (с марта по октябрь).

Продолжительное пребывание Суворова солдатом было делом личного его желания, вполне отвечало его намерениям – детальнейшим образом изведать личным своим опытом все то, что приходится делать солдату, помимо прямых его

обязанностей. Понятно, что никакие учебные заведения, никакие книги не могли заменить ему в этом отношении личного опыта. И, познакомившись с делом не поверхностно, а по существу, Суворов *открыл* в русских солдатах драгоценнейшие качества души и так искренне полюбил их, так задушевно привязался к ним, что во всю жизнь, буквально до гробовой доски, остался верен *солдатскому режиму*, который он, именно во имя *полного и органического единения с войском* и слияния с ним, прямо-таки *впитал в плоть и кровь свою*. Вот почему Суворов-капрал и Суворов-непобедимый генералиссимус — все-таки оставался одним и тем же солдатом, так как ему всегда одинаково были близки и дороги солдатские интересы, тяготы, скорби и нужды.

Вот почему Суворов всегда, при всех обстоятельствах, относился к солдатам не как к бессловесному стаду, а как к разумным существам, — и вдохновлял их, руководил ими, так что каждый из них действовал сознательно, понимая, что, почему и для чего он делает. Суворов был великим педагогом-психологом. Являясь в этом отношении *первым* в ряду величайших полководцев, Суворов и до настоящего времени остается *единственным*.

После производства в офицеры Суворов был переведен поручиком из Семеновского полка в Ингерманландский пехотный. Но вскоре же (в январе 1756 года) его повысили в обер-провиантмейстеры и послали в Новгород; в октябре того же года сделали генерал-аудитор-лейтенантом с “со-

стоянием” при военной коллегии: в декабре переименовали в премьер-майоры. Этот перечень, между прочим, доказывает, что Суворов, подшучивая над своим запоздалым производством в офицеры, справедливо говаривал: “я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь”. Эти “прыжки” в заслугах вскоре же сделались прямо-таки гигантскими, так что он не только быстро наверстал упущенное в чинопроизводстве, но и далеко обогнал длинный ряд лиц, которые при производстве его в офицеры были в генеральских чинах.

Еще деятельнее чем прежде продолжал Суворов свое самообразование и развитие после производства в офицеры. Вообще истории и литературе он всегда отводил самое почетное место и прекрасно знал произведения всех выдающихся писателей как русских, так и иностранных, насколько этого можно было достигнуть по обстоятельствам того времени. Но он не только очень много читал, вообще внимательно следил за тем, что совершается в жизни, а также и довольно успешно пробовал писать. Два его литературных труда, так называемые “Разговоры в царстве мертвых” (излюбленная форма того времени), помещены в 1756 году в первом русском журнале, издававшемся при Академии наук под названием “Ежемесячные сочинения” в “Обществе любителей русской словесности” при кадетском корпусе, где автору, конечно, пришлось выдержать целый диспут.

Вообще в эту пору у Суворова было значительное знакомство с литературным миром, причем он был довольно бли-

зок с Дмитриевым, а с Херасковым – даже и в дружественных отношениях. Эта малозначащая сама по себе черта имеет серьезное значение для оценки самообразования Суворова, представляя своего рода “*аттестат зрелости*”. Самоучка Суворов стоял с названными литераторами на одном уровне, был *равен* им по развитию и литературной подготовке.

Глава II. Начало боевой службы и командование полком. 1758 – 1768.

Семилетняя война и армия союзников. – Участие Суворова в этой войне и отзывы о нем. – Доставка им депеш Екатерине II. – Назначение его полковником и полковым командиром. – Деятельность как командира

Время вступления Суворова на боевое поприще было очень смутным. Это так называемая семилетняя война, которую вела общеевропейская коалиция (Австрия, Франция, Швеция, Саксония, Польша, большая часть германских князей, а затем присоединилась и Россия) против маленькой Пруссии, только в начале XVIII века добившейся статуса королевства. Эта война представляла невообразимо-пеструю смесь разнообразных национальностей, а равно и поразительное несоответствие, с одной стороны, такого блестящего военного дарования как Фридрих Великий, с другой – повальной бездарности почти всех полководцев союзной армии. В этой войне и пришлось Суворову начать свое боевое поприще.

Он сам добивался назначения в действующую армию, и в 1759 году в чине подполковника был назначен к генерал-аншефу (полному генералу) графу Фермору по штабной части (вроде начальника штаба, которого, однако, тогда вовсе

у нас еще не было). Таким образом, перед ним был открыт весь ход войны, все ее рычаги и пружины, – и ему представилась глубоко печальная и возмутительная картина. Армию союзников разъединял раздор, полное отсутствие даже намека на солидарность и желание действовать заодно. Все вообще военачальники вовсе не умели пользоваться своими победами. Если даже кому-нибудь из них и случалось одержать более или менее значительную победу, – дело обыкновенно оканчивалось тем, что одержавший победу или оставался на занимаемом им месте, или даже отступал, обыкновенно крайне беспорядочно, так что потери при отступлениях превышали иногда даже потери от самых жестоких поражений. Что же касается собственно русской армии, то, если она и одерживала победы, это исключительно обуславливалось природною храбростью русских солдат, но отнюдь не деятельностью военачальников.

Первое дело, происходившее в июле 1759 года на глазах только что прибывшего в армию Суворова, заключалось в занятии Кроссена (в Силезии). Затем в августе произошло жесточайшее сражение при Кунерсдорфе, – первое, в котором пришлось участвовать Суворову. Это было в полном смысле *побоище* собоих сторон. Фридрих, не зная, что у союзников армия состояла из 80 тысяч человек, бросился на нее с армией в 48 тысяч человек и был сильно разбит, так что и сам едва не попал в плен. С обеих сторон – около 35 тысяч человек раненых и убитых. Судьба Пруссии была, таким образом, в

руках главнокомандующего русской армией Салтыкова, назначенного за отказом Фермера, бывшего до этого главнокомандующим. Но Салтыков бездействовал и затем отступил. Удивленный этим Суворов сказал Фермору: “На месте главнокомандующего я бы сейчас пошел на Берлин”.

Как ни мелки были те стычки, в которых приходилось участвовать Суворову с момента появления его в Силезии, тем не менее, он успел уже обратить на себя внимание многих, в том числе, между прочим, и генерала Берга. Этот последний, получив в командование легкий корпус, стал просить Суворова к себе. По этому поводу от Бутурлина, сменившего Салтыкова в командовании армией, последовал в сентябре 1761 года следующий приказ:

“Так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.